

Благоговейный восторг, с которым относились к искусству Котьюридж, Вордсворт, Шелли, Ките, Скотту несвойствен.

«Все изящные искусства,— пишет он,— своей высшей и законнейшей целью имеют воздействие на человеческие страсти, временное смягчение и облегчение самых беспокойных состояний духа, возбуждение удивления или ужаса, удовольствия или каких-либо других эмоций». Чрезмерного усложнения в искусстве Скотт не одобряет и в музыке предпочитает самые простые мелодии. Литературу, в отличие от других романтиков, он не считает самым высоким призванием и осуждает тех, кто ради нее отдаляется от жизни. «В бессмертии поэзии,— признается писатель,— верю менее твердо, чем в бессмертии души». Эта формулировка прямо противоположна уже цитированной декларации Вордсворта: «Поэзия бессмертна, как сердце человеческое».

Отношение Скотта к поэтам-лекистам было двойственным. Высоко ценя их талант, он далеко не все в их творчестве и философии принимал. Он восхищенно цитировал Вордсворта и Кольриджа, говорил об огромной силе поэмы «Кристабель» и признавал свой долг ее автору, но видел различие между литературными взглядами этих поэтов и своими.

Скотту был чужд мистицизм Кольриджа и многое из теории Вордсворта об упрощении поэтической речи: «Если бы ими не владела несчастная мысль учредить новую школу в поэзии, они, безусловно, могли бы дать ей новый импульс, но мне кажется, они иной раз тратят энергию на поиски пути не то, что бы лучшего, но отличного от того, по которому шли их предшественники». Хваля воображение Вордсворта, его понимание страстей, Скотт подчеркивал свое несогласие с ним в «вопросах вкуса» и тематики стихов. «Фантазия и поэтический язык Кольриджа давно бы поставили его выше всех современников, если бы он умел сдерживать их с помощью здравого суждения и твердой воли».